

КРУГЛЫЙ СТОЛ / ROUND TABLE

«Российско-китайские отношения в новую эпоху: новые проблемы — новые векторы взаимодействия»

"Russian-Chinese Relations in a New Era: New Problems — New Vectors of Interaction"

11 июня 2021 г. Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений совместно с Центром изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН был организован Круглый стол «Российско-китайские отношения в новую эпоху: новые проблемы — новые векторы взаимодействия». Мероприятие было приурочено к знаковой дате в современной истории взаимодействия между РФ и КНР — 20-летию Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Помимо ведущих специалистов ИДВ РАН к работе были привлечены эксперты других научно-образовательных учреждений и организаций. С докладами выступили д.и.н., врио директора ИДВ РАН **А.А. Маслов**, заместитель директора 1-го департамента Азии МИД РФ **М.В. Баранов**, д.и.н., профессор РАН, заместитель директора, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, г.н.с. ИДВ РАН **А.В. Ломанов**, д.полит.н., г.н.с. ИДВ РАН **В.Е. Петровский**, к.и.н., заместитель директора ИДВ РАН **С.В. Уянаев**, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН **А.С. Давыдов**, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН, доцент НИУ ВШЭ **А.О. Виноградов**, с.н.с. ИДВ РАН **А.Ч. Мокрецкий**, к.воен.н. и.о. руководителя Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН **А.Ф. Клименко**, д.воен.н., в.н.с. ИДВ РАН **Д.В. Гордиенко**, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН **Е.И. Сафронова**, с.н.с. ИДВ РАН **Л.Е. Васильев**, к.воен.н., в.н.с. ИДВ РАН **Ю.В. Морозов**, к.ю.н., в.н.с. ИДВ РАН **В.И. Балакин**, д.э.н., руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН **А.В. Островский**, д.э.н., г.н.с. ИДВ РАН **В.Я. Портяков**, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН **М.В. Александрова**, Почетный доктор ИДВ РАН, первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, заслуженный работник культуры РФ **Г.В. Куликова**, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН **Т.М. Мамахатов**, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН **В.А. Матвеев**, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН **А.С. Исаев**, с.н.с. ИДВ РАН **А.В. Пиковер**. В он-лайн режиме участников конференции приветствовал академик РАН, г.н.с. ИДВ РАН **В.С. Мясников**.

В рамках трех базовых тематических блоков докладчики и участники дискуссий осветили следующие вопросы: основные направления текущей внешней политики КНР и нынешний этап российско-китайских отношений в контексте юбилея «Большого договора»; особенности взаимодействия двух стран по глобальным и региональным вопросам, включая проблематику Центральной Азии и Евразии; задачи и перспективы сотрудничества в практических областях, в том числе в сферах экономики, культурно-гуманитарных связей, обеспечения кибербезопасности. Лейтмотивом выступлений, основное содержание которых представлено ниже, стала задача представить в отношениях РФ и КНР не только достижения, но и вызовы, на этой основе сформировать видение оптимального для РФ развития отношений с набравшим динамику «восточным» соседом.

1. Внешняя политика КНР и отношения РФ и КНР

А.А. Маслов. В нынешних российско-китайских отношениях нельзя не отметить очевидный рост взаимодействия, взаимного доверия, способность перешагивать через конъюнктурные соображения. Все это, как и многие другие достижения, делает высокие оценки уровня двустороннего партнерства не простой фигурой речи, но и констатацией реальности. Но наряду с этим имеется ряд вопросов, давно ждущих решения. Во-первых, мы имеем довольно устаревшую форму взаимодействия в области экономики, что досталось нам еще с 1990-х гг. Есть разрыв между скромным сотрудничеством в деловой, экономической среде и кооперацией в политической сфере, где связи реализуются заметно теснее. Достаточно сказать, что товарооборот Китая и РФ, несмотря на американо-китайские торговые войны, вшестеро меньше торговли Китая с США и практически не превосходит суммарную китайскую торговлю с небольшими странами Восточной Европы.

Второй очень важный момент заключается в том, что в российско-китайском товарообороте торговля высокотехнологичными товарами составляет от силы 15% от ее общего объема. У нас так и не запустились сколько-нибудь серьезные совместные технопарки, лаборатории. Более того мы видим скорее сегодня проблему оттока российских ученых и талантливых преподавателей в Китай.

Третий очень важный момент — стратегическое видение на ближайшие десятилетия. Когда мы говорим о стратегическом сотрудничестве с Китаем в «новую эпоху», о развитии отношений, мы не очень хорошо представляем, эта стратегия на сколько лет: на десять, на пятнадцать, на пятьдесят лет. Видим, что в целом Китай планирует на очень долгосрочный горизонт. А вот насколько долгосрочно запланированы российско-китайские отношения? Насколько учитываются внешние факторы?

Мы должны выработать систему взаимодействия с Китаем таким образом, чтобы, с одной стороны, наращивалось сотрудничество, с другой — максимально учитывались наши национальные интересы в политике и экономике. В этом плане система устойчивости экономического взаимодействия с Китаем является одним из приоритетных вопросов. Говоря о политическом взаимодействии, мы должны также понимать, насколько Россия сегодня вписывается в общую стратегию Китая, и насколько Китай вписан в общую стратегию России. Здесь обеим странам еще есть над чем работать. Речь идет как о глобальных стратегиях России и Китая, так и, например, об их региональных стратегиях — на российских Дальнем Востоке и в Сибири, на Северо-Востоке Китая и т.д.

Ткань политического и экономического мира очень заметно изменилась буквально за последний год. А мы часто пребываем в старых стереотипах. Это напрямую связано с вопросами экспертизы и научных исследований, их адекватности, точности и компетентности. Здесь тоже, к сожалению, пока не все гладко. Причем касается это не только России. Китай, порой, тоже «болеет» определенными иллюзиями. Поэтому речь идет о правильности подачи материала, умении растолковывать наши позиции в отношении Китая, Азии в целом, а результаты научного и экспертного труда нужно выносить в более широкое общественное пространство.

М.В. Баранов. За два десятилетия, прошедшие после подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, сформировалась новая модель связей между Россией и Китаем, отличительной особенностью которой является высокий уровень политического доверия, в том числе на самом высшем политическом уровне.

Термин «новая эпоха» применительно к состоянию двухсторонних отношений с Китаем возник относительно недавно. Впервые появившись в Совместном заявлении, принятом главами двух государств по итогам официального визита председателя КНР Си

Цзиньпина в Россию в 2019 г., этот термин отражает новое качество межгосударственных отношений, которые складывались на протяжении как минимум предшествующего десятилетия. В какой-то степени этот термин характеризует и результаты работы по реализации Договора-2001 на практике, по воплощению его положений в жизнь.

Но, исходя из такого понимания «новой эпохи», будет, видимо, не совсем правильно привязывать качественные изменения в модели наших отношений именно к 2019 г. Поскольку изменения в российско-китайских отношениях происходят давно и достаточно плавно, говорить о переходе количественных изменений в качественные в какой-то определенный момент, как и о том, что вчера у нас еще были «отношения всеобъемлющего партнерства», а сегодня уже наступает их «новая эпоха», достаточно сложно.

Описывая сегодняшние отношения с Китаем, можно сказать, что у России в диалоге с этой страной фактически нет запретных тем. Практическое сотрудничество носит комплексный характер. Китай остается крупнейшим торговым партнером РФ. Такое положение вещей сохранилось даже в условиях пандемии коронавируса и связанных с ней ограничений. Речь идет об ограничениях на работу пограничных пунктов пропуска, на пропуск грузового автотранспорта, на прием рыбной продукции и морепродуктов из России в китайских портах, из-за чего эта статья российского экспорта в КНР сильно упала. Тем не менее, статистика показывает, что вынужденные лимиты и ущерб, который наносится пандемией двухстороннему сотрудничеству, не могут снизить уровень нашего взаимодействия.

Действительно, если в 2020 г. наблюдалось небольшое сокращение (примерно на 3 процента) нашего товарооборота, то в первые месяцы текущего года мы видим большой рост, который носит не только восстановительный характер, но и отражает дальнейшее движение вверх. Можно с уверенностью говорить, что доля Китая во внешней торговле России будет и дальше расти, в том числе в сравнении с европейскими странами, на которые суммарно традиционно приходится основная часть российского внешнеторгового оборота.

Также стоит упомянуть и такое важное направление нашего взаимодействия как энергетическое сотрудничество. Недавно в присутствии глав двух государств состоялась закладка нескольких новых атомных энергоблоков, которые будут сооружать в КНР российские специалисты. Весь комплекс торгово-экономического сотрудничества в сочетании с энергетическим партнерством является очень важной темой для осмысления российским научным сообществом.

В наших странах декларируется, что отношения России с Китаем на сегодня являются лучшими за всю историю. Что же касается оценок, согласно которым в них традиционно «отстает экономика», то с ними можно поспорить. На сегодня уровень торгово-экономического сотрудничества России с Китаем в точности отражает российский экономический потенциал. Насколько мы можем торговать с Китаем, настолько и торгуем.

Следует также отметить, что импульсом, создающим дополнительные условия для укрепления российско-китайского взаимодействия и вывода нашего тандема на более высокий уровень, объективно служит обостряющаяся конкуренция между Китаем и США. Но мы исходим из того, что внешние условия, пусть и служащие благоприятным стимулом, нельзя называть главным или ведущим фактором нашего сближения и взаимодействия. Отношения России с Китаем самоценны и имеют собственные внутренние движущие силы. Они не направлены против третьих государств и не носят союзнического характера.

А.В. Ломанов. Политика Пекина на российском направлении основана на неоспоримой руководящей роли идей Си Цзиньпина о «внешней политике в новую эпоху социализма с китайской спецификой». В данном контексте все более заметную роль во

внешнеполитической практике КНР обретает «дипломатия первого лица». Китайская сторона указывает, что личное участие лидеров двух стран в развитии отношений является «фундаментальной гарантией стабильности и долговечности» наших связей, их важным политическим преимуществом. На этом фоне звучат призывы «полностью реализовать важный консенсус» двух руководителей, «неуклонно продвигаться» в указанном ими направлении. Китайская сторона призывает использовать празднование 20-летия Договора для того, чтобы «политическое взаимное доверие на высшем уровне принесло ещё больше результатов стратегического сотрудничества».

Очевидно, что стремление сделать российско-китайское сотрудничество более интенсивным на всех уровнях и распространить его на «нижние эшелоны» никоим образом не может и не должно означать ослабления контактов между лидерами и политическими элитами двух стран. Помимо этого, работа по прогнозированию российско-китайских отношений требует от отечественных экспертов внимательного изучения новых тенденций в китайской идеологии и внутренней политике.

В китайских публикациях и официальных выступлениях появился тезис, что ныне отношения двух стран развиваются перед лицом вызовов, которые создают «эпидемия века» (*шицзи ицин*) и «изменения столетия» (*байнянь бяньцзюй*). Первый вызов понятен: эпидемия коронавируса породила явные и серьёзные трудности в общественном здравоохранении и экономическом развитии.

Второй компонент формулировки восходит к выступлению Си Цзиньпина на совещании по дипломатической работе в июне 2018 г. — тогда он заявил, что Китай «находится в лучшем периоде развития в новое время, мир проходит через изменения, каких не было столетие», внутренняя и внешняя ситуации «синхронно переплетаются», «друг друга активизируют». Эти слова прозвучали до пандемии и до существенного ухудшения китайско-американских отношений. Тем не менее, формулировка прочно вошла в политико-дипломатический лексикон КНР. И это еще одно подтверждение важности его изучения. Российским экспертам необходимо понимать, что подразумевает китайская сторона под «изменениями столетия», как она видит соотношение шансов для национального развития с переменами во внешнем мире, в какой мере эта концепция стыкуется с перспективами развития России.

Китайское руководство подчеркивает, что в эпоху больших перемен две страны должны углублять стратегическое сотрудничество, действовать как важные, обладающие глобальным влиянием силы, способные внести вклад в поддержание мира и стабильности на планете, содействовать всеобщему развитию и процветанию. Предполагается, что Россия и Китай не только демонстрируют всему миру «классический эталон» (*дяньфань*) межгосударственных отношений, но также показывают пример конструктивного поведения «большого государства». В сентябре 2020 г. Си Цзиньпин назвал соперничество между странами допустимым, если оно является «созидательным и благотворным», при этом у больших государств «тем более должен быть большой облик» (*да дэ янцзы*). Он проявляется в предоставлении ещё более крупного объема глобальных общественных благ, принятии на себя ещё большей ответственности.

Китайская трактовка «большого облика» крупного государства подчеркивает, что речь идет не о применении силы и не о давлении на другие страны, чем злоупотребляют США. Отнесение России к числу ответственных стран с «большим обликом» открывает путь к расширению двустороннего сотрудничества на международной сцене. Однако и в данном случае необходимо обладать четким пониманием того, какой смысл вкладывает в эту формулировку китайская сторона.

В.Е. Петровский. 20-летний юбилей подписания главами России и Китая двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве — весомый повод оценить значение этого документа и задуматься о его будущем. Договор стал исторической

вехой в отношениях между двумя странами. Его выработка и принятие ознаменовали новый, принципиально важный этап в дальнейшем развитии отношений между Россией и КНР. В документе были закреплены базовые принципы и концептуальные основы нынешних российско-китайских отношений, определены главные направления и сферы сотрудничества сторон на длительную перспективу, обозначены векторы построения справедливого, демократичного и полицентричного международного порядка.

Можно выделить два аспекта, касающихся будущего Договора. Первый из них касается предложений о возможном внесении поправок в его текст при очередном его продлении на 5-летний срок (хотя Статья 25 Договора прямо этого не предусматривает). Академические дискуссии по поводу целесообразности внесения поправок и их возможных формулировок были инициированы китайской стороной приблизительно год назад, породив встречные российские предложения на этот счет.

Внесение поправок в Договор, который показал себя хорошо работающим документом, изначально представлялось нецелесообразным, поскольку поправки могли привести к его чрезмерной детализации. К тому же процесс внесения поправок легко начать, но очень трудно остановить.

Второй аспект касается срока действия Договора. При дальнейшем поступательном развитии российско-китайских отношений стороны могли бы рассмотреть вопрос о его продлении на неопределенный срок (по аналогии с Договором о нераспространении ядерного оружия, решение о бессрочном продлении которого было принято в мае 1995 г. более чем 170 странами-участниками).

С.В. Уянаев. Отношения РФ и КНР за последние 30 лет объективно отличаются неуклонным поступательным развитием, нарастанием уровня и интенсивности контактов, охватом самого широкого спектра областей, стабильностью, которая практически исключала риски заметных перепадов. Стороны солидарно декларируют, что российско-китайские отношения находятся в числе главных внешнеполитических приоритетов обеих стран.

Подписанный 20 лет назад Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве закрепил юридическую базу двусторонних отношений. Ныне в контексте Договора достаточно справедливо говорят о зафиксированной в нем новой модели и типе межгосударственных отношений. Речь идет о модели стратегического партнерства, которое носит долговременный, деидеологизированный и прагматичный характер, не означает вступления в союз и не направлено против третьих стран, основано на равенстве, добрососедстве, на невмешательстве во внутренние дела и уважении выбора пути развития, на универсальных принципах международного права. К слову, такая модель была имплементирована также в ШОС, БРИКС, в отношениях КНР и РФ с третьими странами.

Декларируемая в Договоре и других двусторонних документах обоюдная комплементарность не случайна, поскольку подходы с обеих сторон основываются на объективных, причем зеркальных заинтересованностях. В базовом смысле их, по меньшей мере, три. Это заинтересованность в мире на совместной границе, история которой знала и не самые спокойные периоды. Это реально существующая, пусть и не оптимальная для РФ (с точки зрения стандартов) взаимодополняемость экономик (сырье/потребность в сырье). Это, наконец, совпадающие, сходные или параллельные (не конфликтующие) подходы к вопросам международной жизни, что позволяет координировать усилия и добиваться еще большей их эффективности.

В юбилейном контексте принято суммировать результаты. Сопоставляя статьи подписанного в 2001 г. Договора с реальной практикой 20 истекших лет, кратко можно выделить следующее.

Создан уникальный многоярусный и многопрофильный механизм отношений, венчаемый регулярными встречами высших руководителей. С момента прихода на свои

посты президент РФ и Председатель КНР провели не менее 30 личных встреч. Именно с этими встречами связывают укрепление доверия между двумя странами.

Стороны оказывают друг другу поддержку по базовым вопросам суверенитета и территориальной целостности (Тайвань, Синьцзян, Северный Кавказ, совместные выступления против санкционной политики США и Запада). Сюда же можно отнести налаживание прочного диалога по вопросам обороны и безопасности.

Решен важнейший в отношениях государств-соседей (вспомним споры КНР с Индией) территориальный вопрос. Протокольное оформление в 2008 г последних ранее недемаркированных участков поставило формально-юридическую точку в вопросе о границе. Стороны декларируют верность зафиксированному в Договоре 2001 г. намерению превратить пограничную линию в «границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение».

В части практического сотрудничества: с 2000 г. объем торговли товарами вырос в 14 раз — с 8 до 111 (2019 г.) млрд долл. На порядок возросли накопленные взаимные прямые инвестиции, превысившие 12 млрд долл. Ждут осуществления порядка 70 проектов на сумму свыше 120 млрд долл. Сотрудничество охватывает стратегическую энергетическую область, научно-техническую, гуманитарную и многие другие сферы.

Масштабный характер имеет взаимодействие по глобальной и региональной повестке. По содержанию оно включает практически все значимые международные проблемы — от стратегической стабильности до положения в горячих точках, по форме реализуется как в двустороннем, так и многочисленных многосторонних форматах, включая ШОС.

Понятно, что двусторонняя повестка не свободна также от вызовов и рисков, прямо связанных с сохраняющимися между странами проблемными темами (Украина, Грузия, ЮКМ, ЦАР, экономические несостыковки, «история отношений»). Но стороны, руководствуясь итоговой взаимной заинтересованностью в дальнейшем развитии отношений, стремятся найти взаимоприемлемые решения.

А.С. Давыдов. Незавершенность формирования миропорядка определяет нестабильность и турбулентность нынешнего мироустройства, порождающие неудовлетворенность им со стороны ведущих мировых держав — США, КНР и России. У каждой свои особые цели: у США — перманентное собственное лидерство в монополярном мире; Китай, прикрываясь концепцией «единой судьбы человечества», по существу хочет того же самого, но под своим руководством; Россия мечтает о воссоздании утраченного в результате распада СССР сверхдержавного статуса. Однако (с учетом ее 2% в глобальном ВВП) на роль одного из мировых полюсов она пока претендовать не может, и в конфигурации нового миропорядка ей предстоит выбор: под чьим «флагом» занять место — под западным или восточным.

Казалось, вполне естественным в этих условиях должно стать тяготение РФ к Китаю, тем более, что между ними на протяжении 20 лет действует Договор, определяющий дружественный характер отношений. При этом неоднократно звучала мысль о заключении между нашими странами полноценного военно-политического союза. Ключевой вопрос для остального мира в том, станет ли в результате создания такого союза в мире безопаснее, спокойнее, лучше и надежнее?

Некоторые российские сторонники союза с КНР игнорируют факт, что в случае заключения союза часть российского суверенитета утрачивается, и России придется выстраивать уже отношения более высокого обязывающего уровня со страной, население и ВВП которой десятикратно превосходят ее собственные.

В РФ сторонниками союзных договорных отношений с Китаем являются преимущественно представители военных и силовых структур. В соображениях китайских экспертов — сторонников идеи китайско-российского союза центральное место занима-

ют конъюнктурные цели вывода с его помощью Китая в мировые лидеры. России отводится роль контрсилы, способной помогать КНР противостоять действиям США в АТР и на глобальном уровне, идущим вразрез с китайскими интересами.

Даже не союз, а просто единый российско-китайский полюс в грядущей мировой архитектонике представить достаточно сложно, ибо между двумя странами с их внешними амбициями неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», способная обострить их разногласия. Если союз будет все-таки создан, очевидно, что его главное «боевое острие» будет нацелено на США. При нынешней ситуации в американо-китайских и американо-российских отношениях это будет оправданно, тем более, если речь о совместной обороне. Но при отсутствии реальных боевых действий такой договорный альянс, предусматривающий взаимодействие военного характера, будет создавать дополнительную напряженность в мире. При наихудших за последние десятилетия отношениях между Россией и США вряд ли целесообразно ухудшать их еще больше заключением военного союза с КНР. Чтобы не усугублять противоречия с Америкой, разумнее и рациональнее не переводить партнерство с Китаем в формат союза, а занять оптимально выгодную для нас позицию «умной обезьяны, наблюдающей с вершины горы за схваткой двух тигров».

А.О. Виноградов. На протяжении «пандемийного» года в отношениях КНР с европейскими странами наблюдался очевидный спад. Особенно в преддверии саммита ЕС — Китай, который прошел в конце июня 2020 г. в формате видеоконференции.

Саммиту предшествовали:

– встреча на высшем уровне ЕС и балканских стран, на которой одним из основных вопросов было противодействие усиливающемуся влиянию Китая в этом регионе.

– крайне жесткая критика в адрес Китая по поводу Закона о безопасности Гонконга, принятого в конце мая 2020 г. США и ЕС договорились создать специальный диалог по отношениям с Китаем для того, чтобы «совместно отстаивать общие интересы».

– взаимные обвинения в связи с опубликованным ЕС в начале июня 16-страничным докладом, в котором Китай (и Россия) обвинялись в дезинформации по поводу Ковид-19. Официальный Пекин назвал этот доклад ложью и дезинформацией.

– попытка со стороны США изолировать Китай за счет приглашения РФ, Южной Кореи, Индии и Австралии на саммит G-7. Приглашение присоединиться к всеобщему бойкоту Китая приняла только Индия, у которой как раз в то время был разгар кровопролитного пограничного противостояния с Китаем.

Саммит прошел 22 июня, в нем участвовали глава Европейского совета Шарль Мишель и председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. С китайской стороны — Ли Кэцян и Си Цзиньпин. На повестке были экономика, права человека, проблема изменения климата и ситуация вокруг Гонконга. ЕС подчеркнул, что между Брюсселем и Пекином создались серьезные противоречия в отношении ценностей и политических систем.

Противоречия выявились не только по Гонконгу, но и в таких сферах, как экономика (ограниченный доступ к китайскому рынку, продвижение систем 5G, «кража Китаем технологий», характер инвестиций КНР в европейскую инфраструктуру), права человека, китайская внешняя политика в АТР.

Стороны все-таки пытались договориться. Поскольку как Китай для стран ЕС, так и страны ЕС для Китая — крайне важные деловые партнеры. В 2018 г. товарооборот между ними достиг рекордного показателя — 682 млрд долл. Показатели торговли КНР с США и с объединенной Европой вполне сопоставимы. Но и проблем не меньше.

Евросоюз требует упрощения доступа компаний ЕС в закрытые для прямых иностранных инвестиций секторы китайского рынка. И одновременно осуждает поли-

тику «принуждения европейских компаний к передаче технологий и ноу-хау», которую, по мнению ЕС, Китай проводит в рамках совместных китайско-европейских предприятий и проектов.

По итогам аналогичного саммита в 2019 г. стороны договорились подписать до конца 2020 г. всеобъемлющее соглашение об инвестициях, которое должно было стать прорывом в их деловом сотрудничестве, обеспечив «существенно улучшенный доступ к рынку, ликвидацию дискриминационных требований и практик в отношении иностранных инвесторов». Соглашение, переговоры по которому очень трудно шли с 2013 г., подписать все же удалось — в самый последний день года, 31 декабря. Впрочем, 20 мая 2021 г. Европарламент отказался ратифицировать этот документ. Причиной были объявлены введенные двумя месяцами ранее «антиевропейские» санкции Пекина. В КНР же посчитали эти санкции лишь ответом на аналогичные действия ЕС, «вмешивающегося во внутренние дела КНР по уйгурскому вопросу».

Свою роль играют США, которые всячески пытаются выдавить Китай с европейского рынка. При этом не считаясь с интересами самих европейцев. Точно также как пытаются выдавить с этого же рынка Россию. При этом методы, используемые американской стороной — идеологическое давление и использование стран-лимитрофов, подерживающих США. Плюс использование НАТО и других структур, где влияние США наиболее сильно.

Европа, наиболее пострадавшая от эпидемии и окончательно потерявшая способность принимать согласованные решения на уровне ЕС, пытается лавировать. Китай же продолжает торгово-экономическую экспансию, активно инвестируя в экономику стран, которые испытывают те или иные экономические трудности.

А. Ч. Мокрецкий. В непростых условиях современного мира, когда личные контакты заменяются он-лайн встречами с использованием современных технических средств связи, Россия и Китай, как две глобальные державы, не остаются в стороне от нахлынувшего пандемического кризиса и восстановления.

В контексте возможностей взаимодействия имеет смысл оценить подходы обеих стран к некоторым универсальным проблемам, исходя, во-первых, из анализа выступлений ряда официальных представителей обеих стран, во-вторых, из концентрации на четырех ключевых словах-направлениях: «безопасность», «развитие», «экология» и «здоровоохранение».

«Безопасность» коррелируется с такими крупными международными форумами, как Мюнхенская конференция. В 2021 г. она прошла в весьма узком составе с участием лишь лидеров ЕС и США, а также Генерального секретаря ООН и Генерального директора ВОЗ. Позиция Москвы ограничилась коротким, но жестким комментарием официального представителя МИД России, в котором было зафиксировано «укрепившееся в последние годы стремление западных партнёров решать проблемы в узком кругу», а затем навязывать остальным членам международного сообщества «удобные решения» «через призму “миропорядка, основанного на правилах”».

Китаем был продемонстрирован иной подход. 21 февраля 2021 г. на сайте МИД КНР появилась обстоятельная статья члена Политбюро Ян Цзечи, в которой глава канцелярии комиссии ЦК КПК по иностранным делам вновь повторил тезис о «мультилатерализме и сообществе единой судьбы». Только теперь в виде «теории и практики», углубленных председателем Си Цзиньпином.

О категории «развитие» можно говорить в контексте саммита «Группы Двадцати», форума в Давосе. В.В. Путин, выступая на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня — 2021», определил пути решения текущего кризиса как задачу мобилизации общечеловеческого потенциала для преодоления давно существовавших и лишь обострившихся в период пандемии диспропорций в мировой экономике и глобальном управле-

нии. Пекин предложил глобальное видение современной повестки, обозначив выше упомянутый тандем постулатов о «мультилатерализме» и «сообществе единой судьбы».

Широкую огласку в свете коронавирусной пандемии получает «экологическая» повестка. Москва придерживается мнения, что глобальное развитие должно быть устойчивым во всей полноте этого понятия для всех стран без исключения, тесно увязываться с борьбой с бедностью, с сокращением разрывов в развитии между странами, с другими универсальными задачами. Пекин, в свою очередь, не изменяет продолжающейся последние годы риторике. Термин «сообщество единой судьбы» свободно проецируется на «экологическую почву», где призыв к «единой судьбе» распространяется на тезисы о «гармонии человека и природы», о преимуществах «зелёного» развития.

Переходя к «здоровоохранению», следует отметить, что для скорейшей нейтрализации рисков и последствий пандемии коронавируса Россия выражает готовность к объединению усилий со всеми заинтересованными международными партнёрами на площадках ВОЗ, ООН, других ведущих организаций, а также по двусторонним каналам. В КНР достаточно быстро определилось намерение конвертировать вызовы пандемии и успехи по их преодолению в новые универсальные достижения: в статье Ван И (апрель 2020 г.) показательно утверждалось, что «в отстаивании своей позиции Китай всячески способствует сложению усилий человечества ради победы над пандемией».

Таким образом, в позициях России и Китая присутствуют свои особенности и акценты. В подходах нет заметных противоречий, напротив, налицо почва для сотрудничества. Но странам следует находиться в постоянной координации, периодически «сверяя часы», чтобы «не забыть» лицо своего соседа и партнёра.

2. Центральная Азия и пространство ШОС в российско-китайских отношениях

А.Ф. Клименко. Говоря о проблемах евразийской стабильности и безопасности, нельзя не видеть, что основные региональные вызовы и угрозы связаны с действиями Объединённого Запада под эгидой США. Эти силы стремятся установить контроль над континентальными ресурсами, коммуникациями и ключевыми государствами Евразии. В отношении Центральной Азии Вашингтон планирует политическую переориентировку региональных участников ШОС со своих главных соперников — России и Китая — на возглавляемые США страны НАТО. Если это случится, то самые уязвимые тыловые районы РФ и КНР окажутся под угрозой.

Наряду с этим, по мере начавшегося вывода из ИРА войск возглавляемой США западной коалиции, в регионе в плане безопасности актуализируется афганское направление. В борьбу за власть в Кабуле вступают в качестве главных игроков нынешний правительственный режим и группировка Талибан. Однако угрозу центральной власти в Афганистане представляют не только планирующие превратить страну в «шариатский эмират» талибы и поддерживающая с ними связь Аль-Каида, но и мигрировавшие из Сирии боевики ИГ. Всего же в Афганистане действуют более 20 различных террористических группировок. На этом фоне растут угрозы распространения исламского экстремизма и активизации наркотрафика за границами Афганистана — в ЦАР и даже за пределами этого региона. Это создаст дополнительные риски для центрально-азиатских и других государств-участников ШОС.

А какова же роль ШОС во всей этой ситуации? Проблема в том, что при наличии в организации таких крупных стран-антагонистов, как Индия и Пакистан, у многих возникают сомнения, сможет ли ШОС предпринимать эффективные действия по противостоянию боевикам. Не исключены вооружённые столкновения и в отношениях между не-

которыми центрально-азиатскими государствами, как это случилось между Узбекистаном и Киргизией, или внутри них, что не способствует региональной стабильности.

И России, и Китаю необходимо активнее использовать своё влияние для сглаживания противоречий между постоянными членами ШОС в целях повышения дееспособности этой организации. В тесном взаимодействии с ОДКБ они должны быть готовы оперативно отреагировать на неблагоприятный ход развития событий в регионе. Но проблема состоит в том, что у ШОС отсутствуют политический инструментарий и чёткие механизмы реагирования на форс-мажорные ситуации. Основным юридическим документом в плане обеспечения безопасности остаётся «Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Но этот документ не содержит полноценной правовой базы для координации действий государств-членов и оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации. И, наконец, при наличии подготовленного в ходе регулярных маневров «Мирная миссия» контингента вооружённых сил, в ШОС отсутствует какой-либо орган управления этими силами, способный в режиме реального времени организовать и принять на себя руководство ими.

Таким образом, надежды на то, что в случае прямой угрозы региональной безопасности ШОС самостоятельно может служить инструментом эффективной стабилизации, вряд ли оправданы. Чтобы такой инструмент появился, система безопасности в регионе должна строиться с опорой на взаимодействие ШОС и ОДКБ, как это и предусмотрено Меморандумом о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС, в котором в числе прочего прописано сотрудничество по обеспечению региональной и международной безопасности и стабильности. Но чтобы ШОС стала действенным элементом дихотомной системы региональной безопасности, нужно внести определённые уточнения в её организационные документы. Не являясь военно-политическим союзом, она, тем не менее, должна стать на деле многофункциональной организацией, что и предусмотрено её Хартией. В условиях растущей нестабильности решение этой проблемы для участников ШОС актуализируется.

Д.В. Гордиенко. Одной из тем экспертного внимания становится в последние годы вопрос уровня защищенности национальных экономик России, Китая, а также государств Азиатско-Тихоокеанского региона от внешних и внутренних угроз. Поскольку речь идет об угрозах, возникающих в ходе регионального экономического взаимодействия, в круг вопросов, служащих элементами анализа, вовлекаются процессы в рамках различных региональных организаций и интеграционных проектов, таких, как ШОС, Большое евразийское партнерство (БЕП), ЕАЭС, Инициатива «Пояс и Путь», Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и т.п.

При этом попытка оценить уровень такой защищенности методологически опирается на оценку ряда ключевых факторов. Ими служат: во-первых, степень обеспечения экономической безопасности «внутри» конкретной страны в рамках соблюдения ею норм и правил ведения хозяйства на своей экономической территории (экономического патроната), во-вторых, динамика кооперационных связей между национальными хозяйствами (в рамках региональной кооперации) и, в-третьих, степень интенсивности ведущейся при этом конкурентной борьбы.

В качестве основных исходных показателей, закладываемых в анализ экономической защищенности России, Китая, других государств АТР при реализации ими соответствующего экономического интеграционного проекта, могут рассматриваться макроэкономические показатели, в том числе показатели объемов реализованного и нереализованного экспорта/импорта товаров. Применяемое при этом математическое моделирование по оценке трех приведенных выше факторов дает представление об итоговых трендах в рамках каждого из них. А положительная (либо отрицательная) динамика соответствующего уровня суммарно может свидетельствовать о повышении (либо снижении) за-

щищенности национального хозяйства при реализации соответствующего экономического интеграционного проекта.

С помощью статистических и эконометрических методов были оценены перспективы изменения уровня защищенности национальных экономик России, Китая, а также США, Японии, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Вьетнама, Филиппин и Южной Кореи.

Предложенный подход к сравнительной оценке изменения уровня экономической безопасности, основанный на привлечении статистических и эконометрических методов, помогает выявлению приоритетов экономической кооперации, осуществлению мониторинга и купированию рисков экономического противоборства. Актуальность аналитической работы в этом направлении, в том числе с точки зрения интересов РФ и обеспечения эффективности ее связей с КНР, растет, поскольку параллельная реализация в регионе целого ряда крупных интеграционных проектов (к уже перечисленным добавим Транстихоокеанское (ТТП) и Индо-Тихоокеанское (ИТП)) чревата расхождениями интересов и столкновениями.

Е.И. Сафронова. Рассмотрение вопросов взаимодействия России и Китая в Евразии нередко предполагает учет такого явления, как экономическая дипломатия (ЭД).

Несмотря на то, что «чистой» экономической дипломатии в исполнении Китая не существует (ибо ныне все его внешнеэкономические акции государственного уровня подчинены внешнеполитическим задачам), однако значение ЭД в международной политике КНР растет. Это объясняется рядом причин, в том числе расширением процессов именно экономической глобализации (при том, что политическая глобализация может иметь «откаты» назад), а также тем фактом, что Китай располагает таким экономическим потенциалом, когда ему легче «купить» уступки со стороны контрагентов, чем применить силовой нажим. У Китая в материальном плане уже есть многое, что терять, и посему последствия «горячего» разрушительного конфликта, да еще при отсутствии пока военного паритета с США и НАТО, становятся для него совсем нежелательными. Еще одна причина в том, что ЭД по сравнению с «классической» дипломатией приносит гораздо более быстрые результаты, ощутимые не только на уровне элит, но и широких социальных слоев.

ЭД Китая, как и любое диалектическое явление, оказывает на положение в Азии разновекторное воздействие. В конструктивном плане Китай, выступая инициатором формирования коллективных экономических структур (последние среди них — учрежденные в 2020 г. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Фонд для инфраструктурных инвестиций), резко расширяет кооперационное поле, что способствует и разрядке напряженности в сфере безопасности. Кроме того, такое актуальное явление, как «коронавирусная» дипломатия КНР, в данном контексте тоже оказалось полезным, ибо через нее КНР налаживает дополнительные внешнеэкономические связи, создает новые производства (вакцинные производства в Индонезии, Малайзии, Пакистане и Турции). Это приносит КНР мощные имиджевые и политические дивиденды, благоприятствуя кооперационной среде в целом.

Дестабилизирующее влияние экономической дипломатии Китая, в частности, проявляется в том, что КНР ныне прибегает к мерам т.н. наступательной ЭД гораздо охотнее, чем до начала XXI века (налагает экономические санкции, применяет меры торгового протекционизма, приостанавливает уже заключенные контракты и проч.). Это происходит во многом потому, что, становясь «влиятельной глобальной державой», Китай меняет линию международного поведения в сторону большей напористости и даже агрессивности. И это не улучшает климат доверия и сотрудничества и, следовательно, — не благоприятствует политико-экономической устойчивости. Кроме того, постпандемийное восстановление КНР, сказывающееся на положении на мировой политико-экономи-

ческой арене, идет гораздо успешнее, чем хотелось бы «коллективному» Западу. В силу этого можно ожидать интенсификацию его курса на «сдерживание» Китая, что тоже несет конфликтогенный заряд. Пандемия ярко высветила высокую зависимость и уязвимость Запада от производства и импорта жизненно значимых наименований, поставляемых Китаем (несложные, но важные товары медицинского назначения, товары широкого потребления и др.). В силу этого, логично ожидать ускорения общего переноса производств западных компаний из Китая в другие регионы. Это чревато сложностями и материального, и политического свойства для обеих сторон.

Еще один дестабилизирующий фактор в том, что Китай, энергично выступая в структурах, им инициированных, не проявляет заметного интереса к коллективным форматам, учрежденным без его побуждения. Например, в 2020 г. (он-лайнный) саммит «Глобальный ответ на коронавирус» был проигнорирован премьером Ли Кэцзяном (Китай представлял его посол при ЕС). Это не поспособствовало улучшению международного имиджа Китая и доверия к нему. Можно сказать, что ЭД — это «лезвие обоюдоострое», и умение сочетать ее наступательную и поощрительную формы служит показателем качества страновой «классической» дипломатии как таковой.

Л.Е. Васильев. В настоящее время Центральная Азия не только является заметной зоной российско-китайского взаимодействия, но и представляет значимый геополитический интерес для ряда других ведущих мировых акторов. Кроме того, данный регион представляет серьезный интерес и в геоэкономическом плане. Наличие залежей нефти и газа, запасов урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов в сочетании с удобством прокладки международных коммуникаций привлекает многие державы.

В феврале 2020 г. Госдепартамент США представил новую американскую стратегию внешней политики в Центральной Азии. Новая стратегия рассчитана на пять лет (2020–2025 гг.) и призвана заменить аналогичный документ 2015 г., составленный еще при администрации Барака Обамы. Сразу заметим, что новых революционных изменений в подходах к реализации внешней политики в регионе нет.

В стратегии реализуется далеко не новая идея — концепция «Большой Центральной Азии», которая была разработана еще в период президентства Дж. Буша-младшего. Данная концепция предполагает сближение центрально-азиатских государств, Афганистана и Пакистана под контролем США и дальнейшее превращение этого геополитического образования в зону суверенных государств с рыночной экономикой, светскими и открытыми системами государственного управления. Единственное отличие состоит в том, что Центральная Азия теперь рассматривается американскими властями как геостратегически важный регион вне зависимости от присутствия США в Афганистане. Отныне США считают Центральную Азию самоценным регионом.

Китай в своей внешней политике в Центральной Азии исходит из того, что данный регион играет стратегически важную роль как в обеспечении его национальной безопасности, так и в его становлении в качестве великой мировой державы.

Важность этого региона для Китая определяется следующими факторами:

Первое. Центральная Азия имеет и, скорее всего, будет иметь на длительную перспективу существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности Китая. И второе. Энергетическая составляющая в отношениях с государствами Центрально-Азиатского региона в условиях быстрорастущей китайской экономики также крайне важна для современного Китая.

Россия в последнее время стала проводить в регионе довольно активную и, что самое главное, эффективную политику. Несмотря на растущее присутствие в ЦА второй экономики планеты, ей пока удастся поддерживать свое традиционное влияние в регионе. Популярность России среди русскоязычных граждан центрально-азиатских госу-

дарств (в некоторых из них это большая часть населения) выше, чем у Китая: методы, цели и растущие масштабы проникновения КНР в регион порой вызывают здесь серьезную обеспокоенность.

Москва (как и Пекин) уделяет гораздо меньше внимания внутривосточному развитию и внутривосточным реформам в странах постсоветского пространства. Она гораздо сильнее озабочена их геополитической ориентацией. Если реформы, которые проводятся в государствах Центральной Азии, укрепляют стабильность этих стран, предотвращают революционное развитие проходящих в них событий, то Россия их только приветствует.

Несмотря на все имеющиеся межгосударственные разногласия и разные подходы в решении многих вопросов в Центральной Азии, можно смело утверждать, что в условиях сохраняющегося противостояния России и США, США и Китая, отношения между Пекином и Москвой, как минимум в ближней и среднесрочной перспективе, будут развиваться только по восходящей. Уже сейчас достаточно очевидно, что Россия и Китай больше выигрывают от двустороннего и многостороннего сотрудничества, чем от открытого противоборства.

Ю.В. Морозов. В Центральной Азии — регионе, который богат энергоресурсами и соседствует с десятилетиями беспокойным Афганистаном, — сфокусированы интересы не только Китая и России, но и крупнейших держав, включая США. В общем знаменателе эти интересы в той или иной мере могут быть сведены к нескольким общим элементам: обеспечение доступа к энергоресурсам и создание выгодной для себя инфраструктуры нефтегазовых коммуникаций; контроль над стратегическими отраслями промышленности стран региона и получение благоприятных условий для инвестирования в их экономику; увеличение влияния на политическую жизнь центрально-азиатских государств и гарантии возможностей поставок им своего вооружения; а также создание благоприятного имиджа своей страны в общественном мнении населения региона. Эти сферы обуславливают региональную стратегию держав, охватывают экономические, внешнеполитические и гуманитарные области их взаимоотношений с государствами Центральной Азии. Они же служат общим контекстом в подходе к анализу центрально-азиатской повестки российско-китайского взаимодействия.

Основные усилия США в Центральной Азии сосредоточены на нескольких направлениях. Это продолжение стратегии, нацеленной на сдерживание КНР и стимулирование реформ в центрально-азиатских республиках по западному образцу с целью не допущения их интеграции с Россией. Это стремление воспрепятствовать превращению ШОС и ОДКБ в дееспособные структуры, способные противостоять Соединенным Штатам. Это экономическое закрепление в регионе для контроля газовых и нефтяных месторождений и их экспорта в другие страны. Это, наконец, создание по американским стандартам в вооруженных силах стран региона подразделений, предназначенных для участия в совместных операциях с НАТО за рубежом. При этом Вашингтон надеется на то, что при помощи универсальных сценариев «цветной революции» всегда имеется возможность сбросить неудобного США президента в той или иной из центрально-азиатских республик.

Стратегический интерес Китая заключается в обеспечении доступа к энергетическим ресурсам Центральной Азии и безопасности своих приграничных районов от проникновения туда террористических групп. Экономическая стратегия Пекина в регионе направлена на реализацию проекта «Один пояс, один путь», нацеленного на диверсификацию (за счет зоны ЦА) маршрутов и сокращения сроков доставки в Европу китайской продукции, а также на активизацию товарного и другого экспорта непосредственно в центрально-азиатском рынке. При этом по сравнению с США, Китай обладает рядом преимуществ за счет инструментов «мягкой силы» (экономические, гуманитарные про-

екты). Пекин относится к внутренней политике стран региона с высокой лояльностью, что также содействует углублению отношений по линии КНР — страны ЦА. Кроме того, государства региона рассматривают Поднебесную в качестве финансового донора для развития национальной экономики.

Для России Центральная Азия является важным стратегическим плацдармом для реализации её военно-политических интересов в регионе и ёмким рынком для российской обрабатывающей промышленности. В том числе через коммуникации в ЦА обеспечивается транспортировка российских экспортно-импортных грузов в Китай, в АТР и обратно. Военная, экономическая и иная помощь странам региона в совокупности с позитивным наследием и традициями общего, советского прошлого позволяют России оставаться главным нерегиональным актором в среднеазиатских республиках. При этом военные возможности РФ укрепляют веру ее союзников по ОДКБ и ШОС, что в случае обострения ситуации в регионе, в деле обеспечения безопасности им есть на кого опереться.

В.И. Балакин. Отношения РФ и КНР в Евразии в настоящее время вписаны в явный цивилизационный раскол, проецируемый, в том числе, и на этот крупнейший континент. Это раскол между традиционными государствами, такими как Россия, Китай, а также Индия, Иран и так называемым коллективным Западом.

Что касается самой России, то она сегодня логично совершает «поворот к себе самой», не признавая американского глобального лидерства. США несомненно придется мириться с уже не раз проявленной геополитической самостоятельностью РФ, включая российское влияние в таких евроазиатских организациях как ЕАЭС и ШОС. Непризнание Россией глобального лидерства США равносильно для РФ отказу от присоединения к сложившимся структурам коллективного Запада и открытому вступлению на путь жесткой ценностной конфронтации с Вашингтоном. Москва реально готова жестко ответить на попытки силового противодействия со стороны Запада, особенно если речь идет о намерении США бросить вызов линии РФ на целенаправленную экономическую интеграцию бывшего постсоветского пространства. В реальности, по оценке западных экспертов, Россия уже начала создавать серьезные проблемы для самой государственной системы США, особенно ее влиянию на евроазиатском пространстве, где Вашингтону в последнее время весьма не просто удаются попытки утвердить либеральный порядок.

На этом фоне можно предвидеть, что российско-китайская связка в Евразии и евразийские структуры с участием РФ и КНР, могут в обозримой перспективе испытать возросшее жесткое давление со стороны США, осуществляемое, в том числе, с опорой на хитроумные тактические ходы.

3. Российско-китайское сотрудничество в практических областях

А.В. Островский. Основная проблема торгово-экономических отношений России и Китая состоит в том, что экономические показатели РФ в настоящее время не могут идти в сравнение с показателями КНР. По объему ВВП в долларах США Россия уступает КНР почти в 10 раз, по объему внешней торговли — в 7 раз. Все это накладывает отпечаток на состояние и развитие российско-китайских торгово-экономических связей.

В последнее десятилетие КНР стабильно (в том числе по итогам 2020 г., когда объем торговли составил 108 млрд долл.) является ведущим торговым партнером Российской Федерации.

Однако при этом Россия (особенно после девальвации рубля в 2014 г.) в списке ведущих торговых партнеров КНР находится за пределами первой десятки. В данном рейтинге за 2020 г. РФ сопоставима с такой страной, как Бразилия (117,9 млрд долл.), и

заметно отстает от лидеров двусторонней торговли с Китаем — США, Японии, Гонконга, Республики Корея, Тайваня, Германии и даже Вьетнама.

Китай выглядит не просто предпочтительным, но, можно сказать, оптимальным зарубежным партнером в решении Россией стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока. Во-первых, только ориентация на динамично развивающийся китайский рынок позволит сделать экономически эффективной разработку природных ресурсов этих территорий, которая требует крупных капиталовложений и длительных сроков реализации проектов. Во-вторых, подъем Сибири и Дальнего Востока отвечает интересам Китая, поскольку способствует решению задачи возрождения старой промышленной базы в соседних с Россией северо-восточных провинциях страны и улучшению ресурсного обеспечения экономики КНР в целом. Наконец, заметный рост торговли с Китаем, благодаря «демонстрационному эффекту», косвенно может содействовать активизации торгово-экономических связей России с Японией и Республикой Корея.

Во внешнеэкономической стратегии Пекина России отводится весьма важное место, прежде всего, как крупному поставщику энергоносителей и сырья. В 2018 г. у России появился торговый профицит в торговле с Китаем в результате наращивания экспорта нефти (50 млн тонн в 2018 г.). По нефтяному экспорту в Китай РФ в 2019 г. вышла в мировые лидеры, вышла по объему импорта в Китай на первое место в мире (70 млн тонн), но в 2020 г. уступила первое место Саудовской Аравии. Россия импортирует из КНР главным образом продукцию переработки, включая технически все более сложные изделия машиностроения и электроники, составляющие до половины всего китайского экспорта в РФ.

В инвестиционной сфере объемы сотрудничества значительно уступают аналогичным показателям взаимодействия КНР с другими странами. С точки зрения структуры очень невелика доля прямых китайских инвестиций в крупные проекты на территории России в целом и Дальнего Востока в частности. Большая часть инвестиций из КНР в Россию состоит из портфельных инвестиций в финансовый сектор. Значительная часть российских инвестиций в КНР (95%) также состоит из вложений в банковские и финансовые структуры. При этом по объемам капитализации российские банки заметно уступают своим партнерам из КНР, тем самым объективно попадают в подчиненное положение. Весьма скромным выглядит российское участие в китайской инициативе «Один пояс, один путь». Пока со стороны РФ отсутствуют обоснованные предложения по инфраструктурным проектам на территории России, под которые можно было бы взять льготные кредиты из АБИИ и Фонда Шелкового пути. В результате в настоящее время политическое сотрудничество между Россией и Китаем развивается намного более активно, чем экономическое.

М.В. Александрова. Минувший 2020 г. был крайне важным для межрегиональной и всей российской торговли с КНР. Если анализировать таможенную статистику 2020 г., то существенных изменений можно не заметить, но если сравнить ее с 2013 г, то возможно выявить некоторые тенденции.

В отношении *экспорта* федеральных округов в КНР они в следующем:

1. Список лидеров и аутсайдеров округов-экспортёров достаточно стабилен. Лидеры-экспортёры: ЦФО (порядка 50% от всего экспорта РФ в КНР), ДФО или СФО (порядка 13–14%); среди регионов-среднячков произошли некоторые изменения, а именно после запуска «Ямал-СПГ» усилились позиции Урала, доля которого с 2013 по 2020 гг. возросла с 6,7% до 12%. Лидерами-аутсайдерами стабильно являются Южный и Северо-Кавказский ФО;

2. Товарное наполнение экспорта внешне выглядит, порой, странным. У Центрального ФО и Северо-Западного ФО на статью *«топливо минеральное»* приходится соответственно 81% и 50%. Это связано с тем, что офисы крупнейших нефтегазовых ком-

паний расположены или в Москве или в Санкт-Петербурге и через них осуществляется большинство операций. Для УФО, где доля «топлива минерального» в экспорте в КНР составляет порядка 65%, эта цифра более понятна, поскольку в округе ведется и соответствующее производство. У ДФО и СФО «топливо минеральное» также занимает первую строку в экспорте и соответственно составляет 33% и 39%. Для Приволжского ФО лидирующей товарной позицией являются машины и оборудование. На них приходится порядка 40% экспорта в КНР. А вот у ЮФО и СКФО порядка 50% экспорта это «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё».

3. Претерпевает динамику место КНР в рейтинге зарубежных торговых партнёров для того или иного Федерального округа. Для СФО, УФО и ЦФО КНР является партнёром № 1 в части экспорта — 22%, 21% и 14% от всего экспорта из этих округов соответственно. Для ДФО Китай является вторым по значению экспортным рынком, хотя на КНР приходится внешне более крупная процентная доля общего окружного экспорта (29%). Экспортным партнёром № 2 КНР является также для СКФО и СЗФО — доля в окружном экспорте 10% и 9% соответственно. Для Приволжского ФО Китай в части экспорта является торговым партнёром № 3 (7%). Для ЮФО, где на КНР приходится 5% от окружного экспорта, Китай как экспортный рынок стоит на четвертой позиции.

Ситуация с импортом из КНР выглядит следующим образом:

1. В 2020 г. на два федеральных округа — ЦФО и СЗФО — пришлось 88% импорта из КНР (соответственно 66% и 12%). Доля ДФО и СФО по сравнению с 2013 г. значительно снизилась, составила соответственно 7% и 4%. На примерно таком же уровне (по 4%) держится доля российского импорта из Китая, приходящаяся на Приволжский и Уральский ФО.

2. Товарное наполнение импорта из КНР может показаться однообразным, если рассматривать лишь общий код для соответствующей группы товаров (в соответствии с регламентами ТН ВЭД). Как правило, это статья «Машины и оборудование». Причем, если по данным регламентам провести более детальный анализ, то выяснится, что из КНР в наши регионы импортируется широчайший спектр машиностроительной продукции. Именно на продукцию машиностроения приходится, в основном, большая часть продукции, ввозимой теми или иными регионами из КНР — от 62% в ЦФО до 37% в ЮФО. В остальных федеральных округах такая доля находится в районе 50%.

3. В рейтинге зарубежных торговых партнёров российских регионов, если речь идет об импорте, доля КНР такова. Во всех без исключения федеральных округах КНР, как поставщик, занимает первое место. Правда, конкретные цифры по процентной доле разнятся. Лидером с точки зрения доли КНР в общем окружном импорте является ДФО с показателем в 48,5%. у ЦФО, СФО, СКФО и УФО эти показатели варьируются от 24,7% до 20,8%, у СЗФО, ПФО и ЮФО соответственно 18,9%, 18,2% и 17,2%.

Г.В. Куликова. Гуманитарное сотрудничество наряду с политическим доверием и экономическим сотрудничеством справедливо считается одной из трех опор российско-китайских отношений.

16 июля 2001 г. в Москве Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Цзян Цзэминь подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Договор заложил прочный юридический фундамент доверительного партнерства и стратегического взаимодействия двух стран и мирную идеологию двух государств в XXI веке — «навсегда друзья и никогда враги». Руководители России и Китая призвали наши народы быть «добрыми соседями, хорошими друзьями и надежными партнерами, а молодое поколение развивать традиции дружбы, заложенные старшим поколением».

В статье 16 Договора говорится о том, что «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права». Для реализации Договора было

принято решение о разработке и утверждении специальных Планов действий с указанием конкретных мероприятий, которые должны проходить в России и в Китае.

В частности, были проведены Национальные годы: Год России в Китае в 2006 г. и Год Китая в России в 2007 г.; Годы национальных языков в 2009–2010 гг.; Годы туризма в 2012–2013 гг.; Годы молодежных обменов в 2014–2015 гг. Затем были проведены Годы СМИ (2016–2017). 2018–2019 гг. стали Годами межрегионального сотрудничества, 2020–2021 гг. — Годами научно-технического сотрудничества, которые, учитывая важность сотрудничества двух стран в области научно-технических инноваций, были продлены до 2025 г. Для проведения Национальных годов в России и в Китае были созданы организационные комитеты во главе с вице-премьерами. Мероприятия Национальных годов как в России, так и в Китае носили представительный и массовый характер.

Планы комплексных мероприятий по реализации Положений Российско-Китайского Договора разрабатываются Межправительственной комиссией по гуманитарному сотрудничеству, созданной в 2000 г. под руководством заместителя председателя Правительства РФ В.И. Матвиенко и вице-премьера Госсовета КНР Чэнь Чжили.

Последнее XXI заседание Межправительственной Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству состоялось (он-лайн) 25 ноября 2020 г. На заседании подводились итоги взаимодействия в последние годы и обсуждалось проведение в последующие Годы сотрудничества России и Китая в области физкультуры и спорта, тем более, что 2022 г. будет Годом Зимней Олимпиады и Паралимпийских игр в Пекине, а 2023 г. — Годом летней Универсиады в России.

В течение всего времени со дня подписания в 2001 г. Большого российско-китайского Договора Общество российско-китайской дружбы (ОРКД) выступало единственной в нашей стране организацией, которая ежегодно проводила торжественные мероприятия. В этом году по случаю 20-й годовщины со дня подписания Договора ОРКД проведет 28 июня в Государственной Думе торжественную презентацию Фотовыставки, посвященной этому знаменательному юбилею, а 16 июля совместно с МИД РФ мы организуем торжественный вечер, посвященный 20-летию Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Мероприятия будут проведены также в отделениях ОРКД в регионах России.

Т.М. Мамахатов. Актуальным вопросом сегодняшней российско-китайской повестки практического сотрудничества является взаимодействие в области освоения Арктики.

На сегодняшний день шаг за шагом Арктика становится все более важным регионом с точки зрения ресурсов, энергетики и развития инфраструктуры. В настоящее время здесь добывается десятая часть общемировых объемов нефти и четвертая часть — природного газа. На российском Крайнем Севере сосредоточено 80% всей арктической нефти и практически весь газ. С 1996 г. на международном уровне действует площадка Арктического Совета. В него входят так называемые арктические страны, к которым относятся Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и США. Кроме арктических государств, в Совете состоят организации, представляющие интересы коренных народов Арктики, а также страны-наблюдатели, не являющиеся арктическими государствами.

Одной из таких стран является Китай, присоединившийся к Совету в 2013 г., но официально именующий себя «приарктическим» государством (near-Arctic State).

Заявленные Китаем в отношении данного региона гуманитарные, природоохранные и иные подобные намерения вряд ли являются исчерпывающими, поскольку за ними просматриваются и определенные политические цели. Декларируя тезисы понимания и защиты интересов региона, развития «управления» Арктикой в общих интересах международного сообщества, Китай позиционирует себя в качестве равноправного и полно-

форматного участника всех текущих региональных процессов, включая «распределение бонусов» от различного рода взаимодействия. В подтверждение этого Китай, в частности, активно действует в рамках проектов в области региональных научных исследований, в том числе связанных с реагированием на изменение климата.

Такой контекст китайского участия в арктических делах не может не учитываться в вопросах, связанных с российско-китайским сотрудничеством. Китай уже давно работает с Россией в этом регионе. Основными направлениями взаимодействия являются освоение месторождений углеводородов и инфраструктурные проекты.

Имея в виду весь спектр китайских целей и взгляд РФ на свои традиционные региональные приоритеты, можно заключить, что сторонам предстоит выработать оптимальные модели кооперации. Потенциально, за счет экономически мощного партнера, с которым развиваются «всеобъемлющие» конструктивные отношения, Россия может извлечь долговременную общую выгоду. Особенно это актуально на фоне политики изоляции и конфронтации (пока что экономической и технологической), которую в отношении РФ инициируют страны Запада. Причем, добавим, что ряд из них также нацелен на Арктику.

Такая модель российско-китайской арктической кооперации вряд ли возникнет автоматически, но предпосылки к ней имеются. Китай, безусловно, руководствуется, прежде всего, собственными интересами, старается, избегая конфликтов, постепенно создавать благоприятные условия для их реализации. Но одновременно современная внешняя политика Пекина в отношении России носит в основном доброжелательный и долгосрочный характер. Возникающие проблемы и трудности решаются путем переговоров, Китай подчеркивает свою приверженность принципам и нормам международного права. Эти подходы могут быть широко распространены и на сотрудничество в Арктике.

Немаловажен также факт, что страны оказываются естественными союзниками в условиях ужесточения конкуренции и сложной международной обстановки, вызванной американской политикой давления на РФ и КНР. На продуманной договорной основе «пустив Китай в Арктику», условно говоря, «уступив в малом», Россия способна склонить в свою сторону общую стратегическую чашу весов, сохранив базовые позиции в регионе и «ответив» западной политике изоляции.

В.А. Матвеев. В сфере мировой энергетики сейчас развивается процесс энергетического перехода, т.е. перехода к массовому использованию возобновляемых источников энергии вместо ископаемых видов топлива. Это процесс называют также декарбонизацией энергетического баланса.

При этом движение за «климатическую нейтральность» может стать как основой для глобального сотрудничества, так и вылиться в противостояние между группами стран.

Американская «зеленая энергетика» по основным параметрам заметно отстает от показателей Китая и ЕС. При этом США рассматривают климат как сферу принципиального соперничества с Китаем, прежде всего, в сфере инновационных технологий. Странами Запада готовятся ограничения на куплю-продажу китайского инновационного оборудования, лимиты и запреты на функционирование угольных теплоэлектростанций.

К тому же, на кону стоит огромный финансовый потенциал мирового рынка возобновляемой энергии, который к 2025 г. достигнет 2,15 трлн долл. США.

Странами-конкурентами поставлены весьма амбициозные цели достижения полной углеродной нейтральности, например, в США это 2050 г, в Китае — 2060 г. На наш взгляд, эти цели в рассматриваемой перспективе недостижимы, прежде всего, из-за явного дефицита редкоземельных и других минералов как основы «зеленой энергетики». Между тем для выполнения параметров Парижского соглашения потребуется увеличить расходы этих минералов не менее, чем в 4 раза.

К тому же, борьба с углекислым газом может подорвать глобальный подъем Китая, поскольку китайская программа декарбонизации может обойтись стране в 5 трлн долл. США. В основе плана стоит кратное увеличение производства энергии из возобновляемых источников, включая и атомную энергетику, взамен использования углеродных источников топлива.

Чтобы успешно пройти трансформационный период такого перехода, Китаю придется активно использовать газовую генерацию, однако собственный газ в долгосрочной перспективе закроет только половину потребностей. Китай остается самым быстрорастущим потребителем и крупнейшим импортером газа в мире. При этом важнейшим являются стабильность поставок газа и прогнозируемость цены импортного газа, этим параметрам отвечает трубопроводный газ.

По многим основаниям наиболее перспективным партнером Китая в газовой сфере является Россия, в связи с чем Китай продолжает углублять сотрудничество с Россией, как по трубопроводному газу, так и по СПГ. Китай масштабно вошел с инвестициями в проекты по производству арктического СПГ (проекты Ямал СПГ и Арктик СПГ-2). Быстрыми темпами на территории Китая строится инфраструктура для приема возрастающих объемов газа по газопроводу «Сила Сибири». Завершаются переговоры по новому проекту «Сила Сибири-2», где уже подготовлено ТЭО проекта и определена трасса газопровода от действующих месторождений Севера Тюменской области через Красноярский край, Туву и Монголию в Китай.

Новой и весьма перспективной сферой сотрудничества является участие китайских компаний в развитии газопереработки и газохимии в двух проектах (Амурский ГПЗ и Амурский ГХК). Многообещающий проект совместного предприятия на базе Амурского ГХК создали российская компания и китайская Sinopec. В целом Sinopec как одна из ведущих нефтегазовых китайских компаний намеревается углублять масштабное партнерство с российскими компаниями в области разведки и добычи углеводородов, нефтепереработки и нефтегазохимии. Для России реализация таких капиталоемких проектов с высокой добавленной стоимостью особенно значима, поскольку принесет весомую добавку в ВВП страны.

А.С. Исаев. На фоне растущего противостояния в мировом и региональном киберпространстве растет значение российско-китайского взаимодействия в данной сфере.

Анализ статистических данных в области развития мирового Интернета показывает, что больше половины всех пользователей Интернета живет сегодня в азиатских странах. Азия лидирует и по количеству персональных компьютеров, и по количеству смартфонов. Страны Азии являются лидерами и по числу участников социальной сети Фейсбук — почти 868 млн пользователей по состоянию на 1 февраля 2020 г., или более 50% от общего количества пользователей Фейсбука во всем мире. Приведенные цифры продолжают расти, а это означает, что значительное количество жителей стран Азии оказываются потенциальными заложниками манипуляций американских IT-гигантов. Речь идет о сфере, роль которой в развитии цифровой экономики и электронной коммерции, в создании современного информационного общества постоянно растет.

Стоит добавить, что эта азиатская географическая зона все больше становится зоной обострения военного противостояния и напряженности между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР и РФ, с другой. Помимо укрепления чисто военного присутствия в регионе страны НАТО активизируют свою деятельность в восточноазиатском киберпространстве, стремясь добиться односторонних преимуществ в киберсреде.

Поэтому противостояние переносится и на сферу киберпространства. Одной из целей Запада является здесь намерение блокировать сотрудничество России и Китая в создании цифровой экономики, включая планы двух стран по формированию единой ки-

берплатформы в рамках сопряжения проектов реализации китайской концепции «Пояса и пути» и российской программы строительства ЕАЭС.

Такое развитие событий неизбежно ставит задачу объединения усилий для обеспечения кибербезопасности на всем протяжении евразийской зоны и создания российско-китайского совместного центра раннего обнаружения и противодействия компьютерным рискам и угрозам. Международно-правовая база для этого уже существует: в виде российско-китайского соглашения о сотрудничестве в области международной информационной безопасности от 8 мая 2015 г., в котором содержатся положения не только об обмене полезной информацией в этой сфере, но и о практическом взаимодействии по обеспечению кибербезопасности в зоне взаимной ответственности. Учитывая вступившее в силу 2 июня 2011 г. соглашение о сотрудничестве стран-членов ШОС в области информационной безопасности, речь может идти о создании совместной структуры в рамках ШОС по типу РАТС, с размещением ее в одной из стран, входящих в состав Организации.

А.В. Пиковер. Анализируя возможности российско-китайского сотрудничества в цифровой информационной сфере, следует сказать, что в настоящий момент ситуация в данной области абсолютно асимметричная. С одной стороны, Россия для своего уровня народонаселения является одной из самых продвинутых стран в области пользовательской информатизации. По данным установочного исследования проекта WEB-Index, в феврале-ноябре 2020 г. интернетом в России хотя бы раз в месяц пользовались в среднем 95,6 млн человек или 78,1% населения всей страны старше 12 лет. В среднем за день в интернет выходили 87,1 млн человек или 71,1% населения России. В Китае с его населением в почти 1,5 млрд человек цифры, естественно, другие, но пропорционально: 989 млн зарегистрированных пользователей при цифре охвата в 70,4%.

Отличие в том, что Китай обладает мощнейшей информационной инфраструктурой, львиная доля которой собственно китайского производства, в то время как Россия кроме части «софта» по сути не производит ничего. Китай имеет мощнейшие площадки электронной (в том числе трансграничной) торговли, Россия же в этой сфере работает в пассиве. У Китая есть 228 суперкомпьютеров, у России их 4. Перечень можно продолжить.

Для того чтобы понять, в чём причина такого дисбаланса, нужно обратиться непосредственно к успешному опыту информатизации в КНР. Этот успех опирается на прочную опору — на собственное производство «софта» и «харда», необходимых для информатизации, на продуманную и перманентную поддержку государства, на тесную связь с реальной наукой, на хорошо отработанное частно-государственное партнёрство.

Так, если сравнить российские инновационные «мыльные пузыри» с тем же ведущим инновационным проектом Чжунгуанцунь, то первое, что бросится в глаза — это то, что база Чжунгуанцунь является средоточием подразделений Академии наук Китая и ведущих вузов Пекина. Опора на реальный академический интеллектуальный и кадровый ресурс дала прорывную мощь инновационной политике Китая.

России необходим собственный национальный курс, в том числе в науке и инновациях, причем счет уже идёт на считанные годы и месяцы. В противном случае «асимметрии и дисбалансы» будут лишь расти, создавая и увеличивая риски для национально-го суверенитета.

Перспективы российско-китайского информационного сотрудничества практически целиком зависят от состояния и позиций российской академической среды, продуманной государственной политики и реиндустриализации страны.

Что касается частной программы двустороннего сотрудничества в сфере информатизации, то здесь необходимо разработать план этого сотрудничества, ориентирован-

ный не просто на текущую ситуацию, а на стоящие перед российской информационной сферой и страной в целом задачи развития.

Этот план должен включать следующие сферы и отрасли возможного сотрудничества:

1. В цифровой экономике — электронную торговлю, включая логистику и контроль качества; область цифровой валюты и взаиморасчётов (возможность разработки единой системы расчётов и единой валюты); платёжные (внебанковские) системы.

2. В рамках информационной безопасности — сферы технической, юридической, а также личной, корпоративной, общенациональной безопасности.

© 2021

Мокрецкий Александр Чеславович,

старший научный сотрудник
Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений,
Институт Дальнего Востока РАН
(адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru.
Mokretskii Alexander Ch.

Senior researcher at the Center for the Studies and Forecasting of Russia-China Relations,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
(address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru.

Мамахатов Тлеш Муратович,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС,
Институт Дальнего Востока РАН
(адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com.
Mamahatov Tleshe M.

Ph.D. (Economy), leading researcher at the Center for the Studies
of the Northeast Asia Strategic Issues and the Shanghai Cooperation Organization,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
(address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com.

Уянаев Сергей Владимирович,

кандидат исторических наук, заместитель директора,
руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений,
Институт Дальнего Востока РАН
(адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32.).
ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com.
Uianaev Sergei V.

Ph.D. (History), Deputy Director,
Head of the Center for the Studies and Forecasting of Russia-China Relations
(address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0001-9248-4222. E-mail: svuyav@yahoo.com.